

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

24
выпуск

Friedrich HAYEK

**INDIVIDUALISM
AND ECONOMIC
ORDER**

University of Chicago Press

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

24

выпуск

Фридрих ХАЙЕК

ИНДИВИДУАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

УДК 330.831.8
ББК 65.02(4Вел)+65.013.7
Х15

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT
Книга издана при поддержке
Фонда Фридриха Науманна (Германия)

Печатается по изданию:
Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок.
М.: Изограф, 2000.

Перевод с английского *О. А. Дмитриевой*
под редакцией *Р. И. Капелюшников*

Хайек Ф. А.

X15 **Индивидуализм и экономический порядок** / Фридрих Хайек ; пер. с англ. О. А. Дмитриевой под ред. Р. И. Капелюшников. — Челябинск: Социум, 2011. XXVIII + 394 с. (Серия: «Австрийская школа». Вып. 24)
ISBN 978-5-91603-030-3

Книгу «Индивидуализм и экономический порядок» составили экономические и политико-философские работы одного из крупнейших мыслителей XX века, выдающегося экономиста, лауреата Нобелевской премии Ф. А. Хайека (1899—1992). Написанные в 30—40-е годы, они стали классическими и во многом определили развитие современной экономической и социальной теории. Название сборника связано с одной из ключевых для творчества Ф. Хайека тем: почему некоторые версии философского индивидуализма оказываются несовместимы с идеалами свободного общества, прокладывая свободу тоталитаризму? В книге представлены знаменитые статьи о социалистическом планировании, в которых вскрывается теоретическая несостоятельность различных моделей социализма — от «классической» К. Маркса до «рыночной» О. Ланге, а также анализ рынка как информационной системы, которая способна координировать разрозненные знания, рассеянные среди миллионов незнакомых друг другу людей.

УДК 330.831.8
ББК 65.02(4Вел)+65.013.7

*Authorized Translation from the English
language edition published by Routledge,
a member of Taylor & Francis Group
All Rights Reserved*

© Дмитриева О. А., перевод, 1997
© Капелюшников Р. И., предисловие
и научное редактирование, 1997
© ООО Издательство «Социум», 2011

ISBN 978-5-91603-030-3

Оглавление

Свободный ум в несвободную эпоху	vii
Предисловие	xxvii
Глава I ИНДИВИДУАЛИЗМ: <i>ИСТИННЫЙ И ЛОЖНЫЙ</i>	1
Глава II ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ЗНАНИЕ	41
Глава III ФАКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК	69
Глава IV ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ	93
Глава V СМЫСЛ КОНКУРЕНЦИИ	111
Глава VI «СВОБОДНОЕ» ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И КОНКУРЕНТНЫЙ ПОРЯДОК	129
Глава VII ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ (I): ХАРАКТЕР И ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ	145
Глава VIII ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ (II): СОСТОЯНИЕ ДИСКУССИИ	179
Глава IX ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ (III): КОНКУРЕНТНОЕ «РЕШЕНИЕ»	217

Оглавление

Глава X
РЕЗЕРВНАЯ ВАЛЮТА
С ТОВАРНЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ
249

Глава XI
«ЭФФЕКТ РИКАРДО»
261

Глава XII
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФЕДЕРАЛИЗМА
303

ПРИЛОЖЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

ЛИБЕРАЛИЗМ

Введение	327
1. Разные концепции либерализма	327
Исторический обзор	330
2. Классические и средневековые корни	330
3. Традиция английских вивгов	332
4. Развитие континентального либерализма	334
5. Классический британский либерализм	337
6. Упадок либерализма	340
Систематический обзор	342
7. Либеральная концепция свободы	342
8. Либеральная концепция закона	344
9. Закон и стихийный порядок действий	346
10. Естественные права, разделение властей и суверенитет	348
11. Либерализм и справедливость	350
12. Либерализм и равенство	352
13. Либерализм и демократия	354
14. Служебные функции правительства	356
15. Позитивные задачи либерального законодательства	358
16. Свобода интеллектуальная и материальная	360

ПРЕТЕНЗИИ ЗНАНИЯ

Нобелевская лекция 11 декабря 1974 г.
363

КОНКУРЕНЦИЯ КАК ПРОЦЕДУРА ОТКРЫТИЯ
378

ЛИБЕРАЛИЗМ*

ВВЕДЕНИЕ

1. Разные концепции либерализма

В настоящее время термин «либерализм» имеет множество значений, в которых общего разве что представление об открытости новым идеям, в том числе таким, которые в XIX и начале XX века считались враждебными либерализму. Здесь будет рассмотрен только тот широкий круг идей и идеалов, которые в этот период считались либеральными и являлись одной из самых влиятельных интеллектуальных сил, направлявших развитие в Западной и Центральной Европе. Но чтобы понять развитие либерального движения, нужно видеть, что существовали два источника и две традиции, обычно так или иначе, хотя и не без труда, смешивавшихся.

Одна традиция, которая гораздо старше самого имени «либерализм», восходит к классической античности, а современную форму обрела в конце XVII и в XVIII веках в политической доктрине английских вигов. В ней источник той модели политических институтов, на которую ориентировались, как правило, европейские либералы XIX века. Свобода личности, гарантированная гражданам Великобритании «правительством, подчиненным закону», вдохновляла движение за свободу на континенте, где абсолютизм разрушил большую часть средневековых свобод, сохранившихся в Британии. Но эти установления были истолкованы на континенте в свете философской традиции рационализма, или конструктивизма, которая требовала насильственного переустройства общества в соответствии с требованиями разума и тем самым очень отличалась от господствовавших в Британии эволюционных идей. Источником этого подхода была рационалистическая философия Рене Декарта (но также и Томаса Гоббса

---

* Написано в 1973 г. для итальянской *Enciclopedia del Novicento*.

в Британии), и он приобрел наибольшее влияние в XVIII веке благодаря философам французского Просвещения. Самыми влиятельными фигурами интеллектуального движения, наивысшим выражением которого стала Французская революция, были Вольтер и Ж.-Ж. Руссо, и именно их идеи стали основой континентального, или конструктивистского, либерализма. В отличие от британской традиции, сердцевиной этого политического движения стала не столько определенная политическая доктрина, сколько требование освобождения от всех рационально не обоснованных предрассудков и верований, от власти «попов и королей». Лучшим выражением этой установки является, возможно, высказывание Спинозы, что *«он свободный человек, подчиняющийся только законам разума»*.

Эти два направления мысли, ставшие главными компонентами того, что в XIX веке получило название «либерализм», совпадали в ряде существеннейших требований — свободы мысли, слова и печати, — что и объединило их в общем движении и противостоянии консервативным и авторитарным взглядам. Большинство приверженцев либерализма объединяла также приверженность принципам индивидуальной свободы и равенства, но более пристальное исследование показывает, что это согласие отчасти существовало только на словах, поскольку было различным само понимание ключевых терминов «свобода» и «равенство». Если для более старой британской традиции главной ценностью была свобода индивидуума в смысле его защищенности законом от любого произвольного насилия, в континентальной традиции первенство принадлежало идее права каждой группы на самоопределение в смысле выбора формы управления. Результатом стало то, что уже на раннем этапе континентальный либерализм почти слился с демократическим движением, которое решало в принципе иные проблемы, нежели британский либерализм. В период своего формирования идеи, которые в XIX веке стали известны как либеральные, еще не имели собственного имени. Прилагательное «либеральный» только во второй половине XVIII века постепенно приобрело политическое звучание благодаря использованию в таких, например, высказываниях,

как «либеральный идеал (*plan*) равенства, свободы и справедливости» (Адам Смит). В качестве имени политического движения «либерализм» стал использоваться только в начале следующего столетия, сначала в Испании в 1812 г., где возникла испанская партия либералов, а затем во Франции, где также возникла аналогичная партия. В Британии термин стал использоваться только после того, как в начале 1840-х гг. виги и радикалы слились в единую либеральную партию. Поскольку радикалы вдохновлялись прежде всего идеями, которые мы выше обозначили как часть континентальной традиции, даже либеральная партия Англии в период своего наибольшего влияния базировалась на слиянии двух упомянутых традиций. В свете этих фактов было бы ошибкой пытаться закрепить термин «либеральная» исключительно за какой-либо одной из двух вышеупомянутых традиций. Их принято обозначать как «английская», «классическая» или «эволюционная», с одной стороны, и «континентальная» или «конструктивистская», с другой. В нижеследующем историческом обзоре содержится очерк обоих направлений, но систематически рассмотрено только первое, поскольку только в нем развилась определенная политическая доктрина.

Следует отметить, что в США никогда не существовало либерального движения, сопоставимого с европейским, которое в XIX веке охватило большинство стран, боролось с поднимавшимся социализмом и национализмом, достигло наивысшего влияния в 1870-х гг. и затем медленно угасло, сохраняя влияние на публику до 1914 г. В США аналогичное движение отсутствовало прежде всего потому, что главные идеи европейских либералов были изначально воплощены в установлениях и институтах США, а кроме того, условия не благоприятствовали развитию идеологических партийных движений. То, что в Европе принято называть «либеральным», в США довольно оправданно называют «консервативным»; зато термином «либеральный» в США обозначают то, что в Европе обозначили бы как «социалистический». Но сейчас и в Европе ни одна из политических партий, называющих себя «либеральными», не привержена либеральным принципам XIX столетия.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

2. Классические и средневековые корни

Основные принципы эволюционного либерализма, который составлял основу традиции вигов, имеют долгую предысторию. Сформулировавшие их мыслители XVIII века опирались на некоторые античные и средневековые идеи, пережившие абсолютизм.

Идеал индивидуальной свободы был впервые сформулирован в античной Греции, и прежде всего в Афинах в V и IV веках до нашей эры. Некоторые авторы XIX столетия утверждали, что древние не знали принципа индивидуальной свободы в его современном виде. Ошибочность этого отрицания ясно опровергается таким, например, эпизодом, когда афинский военачальник в самый острый момент сицилианской экспедиции напомнил солдатам, что они воюют за страну, которая *«дала им неограниченную свободу жить как кому нравится»*. У них была концепция свободы в рамках закона или такого положения дел, когда, как принято говорить, царствует закон. В раннем классическом периоде она нашла выражение в идеале изономии (*isonomia*), или равенства перед законом, которую затем, не используя первоначального обозначения, развил Аристотель. Закон столь основательно защищал частную жизнь от вторжения государства, что даже в период господства «тридцати тиранов» афинянин, оставаясь дома, пребывал в полной безопасности. Поскольку на Крите, как сообщает Эфор, цитируемый Страбоном, свобода рассматривалась как высшее благо государства, конституция защищала *«приобретенную собственность граждан, тогда как в состоянии рабства все принадлежит правителям, а не управляемым»*. В Афинах право народного собрания изменять законы было строго ограничено, хотя уже там мы встречаемся с первыми случаями борьбы против законов, ограничивающих произвол решений. Эти либеральные идеалы получили дальнейшее развитие прежде всего в философии стоиков, которые выдвинули концепцию естественного

закона, ограничивающего власть любого правительства, и учили о равенстве всех людей перед законом, что выводило их учение за рамки города-государства.

Греческие идеалы свободы дошли до современности прежде всего в трудах римских писателей. Важнейшую роль в оживлении идеи свободы на рубеже новых веков сыграли труды Марка Туллия Цицерона. Мыслители XVI и XVII веков, давшие начало современной традиции либерализма, опирались также на труды историка Тита Ливия и императора Марка Аврелия. Европа получила в наследство от Рима ориентированное на индивидуума частное право, покоящееся на очень четкой концепции частной собственности. При этом, до появления кодекса Юстиниана, законодатель почти не занимался нормами этого права, так что оно рассматривалось скорее как ограничение власти правительства, чем как инструмент этой власти.

Традиции свободы в рамках закона сохранялись на протяжении всего средневековья и были подавлены на континенте только с началом нового времени и укреплением абсолютных монархий. Историк Р. Саузерн (*R. W. Southern*) пишет: «Ненависть тех, которыми управляли не по закону, а по произволу, уходит в глубь средневековья, и никогда эта ненависть не была столь действенной и мощной силой, как в конце этого периода... Закон не был врагом свободы, напротив: границы свободы охранялись оглушительным многообразием законов, возникших в это время... И верхи и низы, равно стремясь к свободе, требовали умножения числа законов, управлявших их жизнью».

Эта концепция поддерживалась верой в закон, существующий вне и над правительствами, и на континенте рассматривалась как некий естественный закон, а в Англии существовала в качестве обычного права, которое не было результатом усилий законодателей, но возникло в результате настойчивого стремления к нелицеприятной справедливости. На континенте формальную разработку этих идей осуществили схоластики, развивавшие систему Аристотеля, как она отразилась в работах Фомы Аквинского; к концу XVI века несколько мыслителей, принадлежавших

к испанскому ордену иезуитов, развили эти идеи в систему преимущественно либеральной политики, которая, особенно в области экономики, предвосхитила многое из того, что позднее вновь возникло только в трудах шотландских философов XVIII века. Наконец, следует упомянуть достаточно ранние достижения некоторых итальянских городов-государств периода Ренессанса, прежде всего Флоренции и Голландии, которые были развиты в Англии в XVII и XVIII веках.

3. Традиция английских вигов

В ходе дебатов, развернувшихся во время гражданской войны в Англии и в период Английской республики [1649—1660 гг.], были сформулированы идеи верховенства права, ставшие после «славной революции» 1688 г. ведущим принципом партии вигов, который и привел их к власти. Классическая формулировка была дана Джоном Локком во «Втором трактате о гражданском правлении» (1689), предложившая даже более рационалистическое в некоторых отношениях истолкование установлений и институтов, чем британские мыслители XVIII века (более полный обзор должен был бы учесть также работы Олджернона Сидни и Гилберта Бернета, давших раннее изложение доктрины вигов). Именно в этот период установилась тесная связь между британским либеральным движением и преимущественно нонконформистскими и кальвинистскими торговыми и промышленными кругами, которая сохранялась до самого недавнего времени. Здесь мы не можем погрузиться в рассмотрение спорного вопроса — следует ли понимать дело так, что группы с сильным духом предпринимательства были также более отзывчивы к кальвинистской версии протестантизма или что эти религиозные воззрения прямо вели к либеральным принципам политики. Фактом остается то, что результатом борьбы между первоначально очень нетерпимыми религиозными сектами стал в итоге принцип терпимости, а британское либеральное движение осталось тесно связанным с кальвинистской версией протестантизма.

В ходе XVIII столетия учение вигов о правлении, ограниченном общими принципами права, и о жестком ограничении полномочий исполнительной власти стало общebritанской доктриной. Мир узнал об этом благодаря, прежде всего, работе Монтескье «Дух законов» (1748) и усилиям других французских авторов, особенно Вольтера. В самой Британии интеллектуальные основы движения получили развитие в трудах шотландских моральных философов, прежде всего Давида Юма и Адама Смита, а также в работах некоторых их английских современников и последователей. В своих философских работах Юм не только заложил основы либеральной теории права, но и дал в «Истории Англии» (1754—1762) истолкование английской истории как постепенного установления правового порядка (*Rule of Law*), что принесло его работе известность далеко за пределами Британии. Решающий вклад Адама Смита состоял в том, что он описал самовозникающий порядок, для стихийного установления которого довольно того, чтобы индивидуумы были ограничены соответствующими нормами права. Его труд «Исследование природы и причин богатства народов», быть может, в большей степени, чем любая другая работа, обозначила возникновение современного либерализма. В нем объяснялось, что основной причиной экономического процветания Британии стала система, ограничивающая власть правительства, в которой нашло выражение простое недоверие к любой произвольной власти.

Подъем английского либерального движения был, однако, вскоре остановлен реакцией против Французской революции и недоверием к ее английским сторонникам, которые стремились импортировать в Англию идеи континентального, или конструктивистского, либерализма. Конец этого раннего развития английского либерализма обозначен работами Эдмунда Берка, который, защищая американских колонистов, дал блистательную формулировку доктрины вигов, а потом жесточно выступил против идей Французской революции.

Только с окончанием наполеоновских войн возобновилось развитие, базировавшееся на доктрине старых вигов и Адама Смита. Главными фигурами дальнейшего интеллектуального развития были группировавшиеся вокруг *Edinburgh*

Review ученики шотландской моральной школы, преимущественно экономисты, следовавшие традиции Адама Смита. В своем чистом виде, оказавшем сильное влияние на континентальных мыслителей, доктрина вигов была заново сформулирована историком Т. Б. Макколеем, который для XIX века сделал то же, что Юм посредством своих исторических писаний для XVIII. Но параллельно с этим развитием уже начался быстрый рост радикальных движений, лидером которых стали «философские радикалы», последователи Бентама, принадлежавшие в большей степени к континентальной, чем к британской традиции. Результатом слияния этих традиций стало зарождение в 1830-х гг. политической партии, которая с 1842 г. стала известна как либеральная и оставалась до конца века самым важным представителем либерального движения в Европе.

Однако задолго до этого решающий вклад в развитие был сделан американцами. Отчетливое воплощение сущности британской традиции свободы в Конституции США, нацеленной на ограничение власти правительства и закрепившей фундаментальные свободы в Билле о правах, стало образцом политических институтов, глубоко повлиявшим на развитие европейского либерализма. Хотя в Соединенных Штатах так и не возникло отчетливого либерального движения — именно в силу уверенности, что свобода гарантирована уже созданными политическими установлениями, — для европейцев США стали идеалом свободной страны, примером, который вдохновлял политические движения так же, как английские установления в XVIII веке.

4. Развитие континентального либерализма

В период революции и наполеоновских войн во Франции и окружающих ее странах континента господствовали радикальные идеи философов французского Просвещения, прежде всего политические идеи, развитые в работах Тюрго, Кондорсе и аббата Сейи, но о явно либеральном движении можно говорить только после Реставрации. Во Франции это

движение достигло пика в период июльской монархии (1830—1848), после чего оно стало достоянием небольших групп элиты. Оно состояло из нескольких различных движений мысли.

Важную попытку систематически изложить и адаптировать к условиям континента британскую традицию сделал Бенджамен Констан; его начинание развила в 1830—1840-х гг. группа, известная как «доктринеры», которую возглавлял Франсуа Гизо. Их программа, известная как «гарантизм», представляла собой учение о конституционно ограниченном правлении. Важной моделью для этой конституциональной доктрины, бывшей основным элементом либерального движения на континенте в первой половине XIX века, стала принятая в 1831 г. конституция вновь созданного государства Бельгия. К этой заимствованной в Британии традиции принадлежал крупнейший либеральный мыслитель Франции Алексис де Токвиль.

С самого начала континентальный либерализм отличался от британского некой склонностью к свободомыслию, которое выражалось в сильной враждебности к церкви, религии и к традиции в целом. Не только во Франции, но и в других католических странах Европы непрерывный конфликт с Римской церковью стал настолько яркой чертой либерализма, что многие привыкли видеть в этом его основную характеристику, особенно после того, как во второй половине столетия церковь начала борьбу с «модернизмом», а значит, с большинством требований либеральных реформ.

В первой половине столетия, вплоть до революции 1848 г., либеральное движение Франции, так же как большинства других стран Западной и Центральной Европы, имело гораздо более тесные связи с демократическим движением, чем британский либерализм. Во второй половине века оно и оказалось большей частью вытесненным демократическим и новым социалистическим движением. Если не считать короткого промежутка в середине столетия, когда либеральные группы возглавили движение за свободу торговли, либерализм больше не играл важной роли в политическом развитии Франции, и ни один французский мыслитель не сделал важного вклада в доктрину либерализма после 1848 г.

Несколько более важную роль сыграло либеральное движение в Германии, где его достижения были особенно отчетливыми в первые три четверти XIX века. Хотя основные идеи были позаимствованы в Британии и Франции, они были трансформированы идеями трех величайших либералов Германии — философа Иммануила Канта, ученого и государственного деятеля Вильгельма фон Гумбольдта и поэта Фридриха Шиллера. Кант создал теорию, воспроизводившую основные идеи Давида Юма, в центре которой были концепция закона, защищающего свободу индивидуума, и концепция правового государства (известная в Германии как *Rechtsstaat*). Гумбольдт в ранней работе «О пределах государственной деятельности» (1792) дал картину государства, ограниченного задачами поддержания закона и порядка. Только малая часть этой книги была опубликована в свое время, но после публикации (и перевода на английский) в 1852 г. она оказала широкое влияние не только на Германию, но и на таких разных мыслителей, как Дж. С. Милль в Англии и Э. Лабулэ во Франции. Наконец, поэт Шиллер сделал, быть может, больше, чем кто-либо другой, для ознакомления образованных слоев Германии с идеалами личной свободы.

В Пруссии сдвиг в направлении к либеральной политике произошел достаточно рано, во время реформ Фрейера фон Штейна, но за ним, по окончании наполеоновских войн, последовал период реакции. Только в 1830-х гг. началось развитие общего либерального движения, которое, как и в Италии, оказалось изначально связанным с националистическим движением, направленным к объединению страны. Германский либерализм был преимущественно конституционным движением, которое на севере Германии в большей степени вдохновлялось британским примером, а на юге влиятельной была французская модель. Это выразилось прежде всего в различном отношении к проблеме ограничения усмотрительной власти правительства, которое на севере приняло форму довольно строгой концепции верховенства законов (или *Rechtsstaat*), а на юге господствовало французское истолкование системы разделения власти, в которой

подчеркивалась важность независимости администрации от обычных судов. Однако на юге, и особенно в Бадене и Вюртемберге, вокруг издававшегося Роттек и Г. Т. Велкером *Staatlexicon*, сплотилась группа либеральных теоретиков, которая перед революцией 1848 г. стала основным центром германской либеральной мысли. Неудача этой революции принесла еще один короткий период реакции, но в 1860-х и начале 1870-х гг. казалось, что и Германия быстро движется к либеральному устройству. Именно в этот период были завершены конституционные и правовые реформы, явно нацеленные на создание правового государства.

Середину 1870-х гг. следует, скорее всего, рассматривать как время, когда европейское либеральное движение достигло наивысшего влияния и захватило самые восточные территории континента. Обратное движение началось с возвратом Германии в 1878 г. к протекционизму и с обращением к новой социальной политике, примерно в то же время начатой Бисмарком. Либеральная партия, процветание которой длилось чуть больше дюжины лет, начала быстро угасать. И в Германии, и в Италии упадок либерального движения начался с утраты связей с движением за национальное объединение, когда обретенное единство направило внимание к усилению новых государств, а возникшее рабочее движение отняло у либерализма положение «прогрессивной» партии, которую до тех пор поддерживала политически активная часть рабочего класса.

5. Классический британский либерализм

В XIX столетии считалось, что Британия ближе всей остальной Европы к реализации принципов либерализма. Казалось, что здесь эти принципы поддерживаются не только могущественной либеральной партией, но и большинством населения, и даже консерваторы нередко оказывались инструментом либеральной политики. Крупными событиями, которые могли создать в Европе впечатление о Британии как об образцовой модели либерального порядка, были

эмансипация католиков в 1829 г., Закон о Реформе 1832 г. и отмена хлебных законов консерватором сэром Робертом Пилем в 1846 г.

После того как были реализованы основные требования либерализма в области внутренней политики, внимание сконцентрировалось на требованиях свободной торговли. Движение началось с подачи петиции купцами в 1820 г., а в 1836—1846 гг. было продолжено Лигой борьбы за отмену хлебных законов и получило развитие благодаря усилиям группы радикалов, которые под руководством Ричарда Кобдена и Джона Брайта заняли более крайнюю позицию *laissez faire*, чем требовалась либеральными позициями Адама Смита и его последователей — экономистов классической школы. Главная для них устремленность к свободе торговли соединялась с сильными антиимпериалистическими, антиинтервенционистскими и антимилитаристскими установками и отвращением ко всем формам расширения государственной власти; они рассматривали всякое увеличение государственных расходов как результат нежелательного вмешательства в дела заморских территорий. Они противостояли главным образом расширению власти центрального правительства и ожидали наибольших улучшений от автономных усилий местных самоуправлений или добровольных организаций. Либеральными лозунгами времени стали «мир, сокращение расходов и реформа». При этом «реформа» в большей степени относилась к устранению старых злоупотреблений и привилегий, чем к расширению демократии, с которой движение начало более тесно сливаться только ко времени 2-го Закона о реформе 1862 г. Своей вершины движение достигло при заключении Кобденом торгового договора с Францией в 1860 г., который привел к установлению в Британии режима свободной торговли и к широкому распространению ожидания, что в скором времени режим свободной торговли распространится повсеместно. В Британии в то время выдвинулся в качестве ведущей фигуры либерального движения В. Е. Гладстон, который стал сначала в роли канцлера казначейства, а затем и премьер-министра, особенно после смерти Пальмерстона

в 1865 г., общепризнанным воплощением принципов либерализма. Его основным сотрудником был Джон Брайт. С ним ожила старая связь британского либерализма с крепкими моральными и религиозными взглядами.

Во второй половине XIX века подверглись обсуждению основные интеллектуальные принципы либерализма. Философ Герберт Спенсер выступил как влиятельный защитник крайних форм индивидуализма и индивидуальной свободы, в чем он совпадал с позициями В. фон Гумбольдта. Но уже Джон Стюарт Милль в своей знаменитой книге «О свободе» направил критику против тирании общественного мнения, а не против действий правительства. Его выступление в пользу распределительной справедливости и общая симпатия к социалистическим идеям подготовили постепенный переход большей части либеральных интеллектуалов к умеренному социализму. Эта тенденция была заметно усилена философом Т. Х. Грином, который подчеркивал позитивные функции государства и выступал против преимущественно негативной концепции свободы, характерной для старых либералов.

Хотя в последней четверти века возникла критика либеральных учений изнутри самого либерального лагеря, а сторонники либеральной партии начали перетекать в ряды нового рабочего движения, влияние либеральных идей в Британии сохранялось еще и в XX веке. При всей инфильтрованности интервенционистскими и империалистическими элементами, либеральная партия смогла отразить натиск возрождавшегося протекционизма. Правительство Кэмпбелл-Баннермана (*H. Campbell-Bannerman*) (1905—1908) следует, быть может, рассматривать как последнее либеральное правительство старого типа. При сменившем его правительстве Аскуита (*H. H. Asquith*) начались новые эксперименты в области социальной политики, которые лишь с натяжкой можно было считать совместимыми с прежними либеральными идеями. Но в целом можно сказать, что либеральная эпоха в британской политике длилась до начала Первой мировой войны и что только влияние войны покончило с господством либеральных идей в Британии.

6. Упадок либерализма

Хотя некоторые государственные и видные общественные деятели и после Первой мировой войны сохраняли либеральное в целом миропонимание и первоначально пытались восстановить политические и экономические институты довоенного времени, ряд факторов обусловил постепенный упадок либерализма, длившийся до начала Второй мировой войны. Важнее всего было то, что в глазах большей части интеллектуалов место либерализма как прогрессивного движения занял социализм. Политические дискуссии велись между социалистами и консерваторами, причем обе стороны одобряли, хотя и с разными целями, возрастание государственной активности. Считалось, что экономические трудности, безработица и валютная нестабильность требуют усиления правительственного контроля, а это вело к оживлению протекционистской и националистической политики. Результатом стали быстрый рост государственной бюрократии и расширение ее полномочий. Эти тенденции вполне сформировались уже в первое послевоенное десятилетие, но особенно окрепли в период Великой депрессии, последовавшей за кризисом 1929 г. в США. Окончательный отказ Британии от золотого стандарта и возвращение к протекционизму в 1931 г. обозначили конец свободной мировой экономики.

Возникновение на большей части Европы диктаторских или тоталитарных режимов не только привело к исчезновению слабых групп либералов, еще сохранявшихся в этих странах, но даже в Западной Европе угроза войны вела к усилению роли правительства в хозяйственной жизни и к экономической самоизоляции.

Конец Второй мировой войны опять ознаменовался временным возрождением либеральных идей, причиной чего отчасти было новое осознание опасности всех видов тоталитаризма, а отчасти — понимание того, что главной причиной межвоенной депрессии было умножение препятствий свободе международной торговли. Показательным достижением было заключение в 1948 г. Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ); та же идея стояла за попытками создать

более обширные экономические структуры, таких как Общий рынок и Европейская ассоциация свободной торговли.

Но самым замечательным достижением, которое, казалось, сулило возврат к экономическому либерализму, было быстрое экономическое возрождение разбитой в войне Германии, которая по инициативе Людвиг Эрхарда сделала ясный выбор в пользу так называемого «социального рыночного хозяйства», благодаря чему вскоре добилась большего процветания, чем страны-победительницы. Эти события возвестили начало периода беспрецедентного процветания, которое сделало правдоподобным ожидание, что в Западной и Центральной Европе сможет укрепиться преимущественно либеральный режим хозяйствования. И в сфере интеллектуальной жизни этот период обозначился новыми попытками переформулировать и усовершенствовать принципы либеральной политики. Но попытки закрепить процветание и гарантировать полную занятость методами экспансионистской денежной и кредитной политики привели в конце концов к мировому инфляционному развитию, к которому безработица приспособилась столь хорошо, что уже нельзя было отказаться от инфляции не создав обширной безработицы. Но рыночное хозяйство не может устойчиво функционировать в условиях ускоряющейся инфляции хотя бы потому, что правительства вынуждены будут для борьбы с последствиями инфляции приступить к регулированию цен и заработной платы. Инфляция всегда и везде вела к огосударствлению экономики и весьма вероятно, что приверженность инфляционной политике будет иметь результатом разрушение рыночного хозяйства и переход к тоталитаризму и централизованному управлению в экономической и политической жизни.

В настоящее время число защитников классического либерализма, почти исключительно экономистов, резко сократилось. Даже в Европе имя «либерал» стало, как это было и в США, использоваться для обозначения преимущественно социалистических притязаний; как сказал Й. Шумпетер, «в качестве высшего, хотя и непреднамеренного комплименты враги системы частного предпринимательства сочли разумным присвоить [себе его] имя».

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

7. Либеральная концепция свободы

Поскольку определенная политическая программа была развита только «британским», или эволюционным, типом либерализма, она с необходимостью оказывается главным объектом анализа при систематическом изложении принципов либерализма. Взгляды «континентальной», или конструктивистской, школы будут использоваться мною только время от времени для сравнения. По этой же причине мы не будем касаться другого важного для континента различия, несущественного для Британии, — между политическим и экономическим либерализмом (разрабатывавший это различие итальянский философ Бенедетто Кроче использовал термины «*liberalismo*» и «*liberismo*»). В британской традиции эти два вида либерализма неразделимы, поскольку основной ее принцип требует, чтобы власть правительства не выходила за рамки функции принуждения к соблюдению общих правил справедливого поведения, что лишает правительство возможности направлять или контролировать экономическую деятельность отдельных людей. В отсутствие таких ограничений правительство обретает даже власть произвольно ограничивать свободу выбора личных целей, каковую свободу желали бы сохранить все либералы. Чтобы быть свободным в рамках законов, нужна экономическая свобода, а регулирование экономики, будучи контролем над средствами, нужными для достижения всех целей, делает возможным ограничение всякой свободы.

Согласие между различными видами либерализма в вопросе об индивидуальной свободе и об уважении к личности оказывается иллюзорным и лишь маскирует важные различия. В период расцвета либерализма эта концепция свободы имела вполне определенное значение: свободная личность не может быть объектом произвольного насилия. Но, чтобы защитить живущего в обществе человека от такого насилия, нужно наложить ограничения на всех, лишив их

возможности осуществлять насилие над другими. По знаменитой формуле Иммануила Канта, свобода всех возможна только если свобода каждого не простирается дальше того, где она совместима со свободой всех остальных.

Таким образом, либеральная концепция свободы — это свобода в рамках закона, который ограничивает свободу каждого так, чтобы гарантировать свободу всех остальных. Это совсем не то, что порой описывали как «естественную свободу» изолированного индивида; это свобода человека, живущего в обществе и ограниченного нормами, защищающими свободу других. В этом отношении либерализм резко отличен от анархизма. Он признает, что при наибольшей возможной свободе каждого насилие не может быть вовсе предотвращено; его можно лишь свести к тому минимуму, который необходим, чтобы помешать произвольному насилию (групп или отдельных людей) против других. Именно свобода в рамках известных законов сделала возможным избегать насилия до тех пор, пока человек держится в рамках соответствующих норм.

Свобода может быть гарантирована только тем, кто способен подчиняться правилам, предназначенным для ее обеспечения. Полная ответственность за свои действия — а значит, и полнота прав на свободу — предполагалась только за взрослыми и здоровыми; в случае детей и психически нездоровых людей считались оправданными разные уровни опеки. Нарушая правила, гарантирующие равную свободу для всех, человек может быть наказан тем, что будет исключен из системы защиты от насилия, установленной для подчиняющихся законам.

Свобода, предоставляемая всем, кто считается ответственным за свои действия, делала их ответственными за собственную судьбу; защита закона имела целью помощь каждому в достижении его целей, но правительство не считалось ответственным за достижение определенных результатов. Предоставление возможностей использовать свои знания и способности для достижения самолично выбранных целей рассматривалось как высшее благо, которого каждый может ожидать от государства, а также как наилучший

способ поощрить каждого в отдельности к наибольшему вкладу в благосостояние остальных. Считалось, что все вместе в наибольшей степени выигрывают от свободы каждого именно потому, что человек поощряется к достижению наибольшего, что возможно при его личных обстоятельствах и способностях, о которых не могут знать никакие власти.

Либеральную концепцию свободы нередко, и вполне справедливо, характеризуют как чисто отрицательную. Подобно понятиям мира и справедливости, она предполагает отсутствие зла и открытость возможностей, но не гарантии каких-либо определенных благ; правда, предполагалось, что при этом станут более доступными средства, нужные для достижения целей. Либеральное требование свободы обращено, таким образом, на устранение всех искусственных препятствий индивидуальным усилиям, но не содержит претензий к государству или общине о предоставлении определенных благ. Либерализм допускает коллективные действия в случае их необходимости или когда они представляются более эффективным способом предоставления определенных услуг, но оценивает их именно по критерию целесообразности, а значит, считает подлежащими ограничению основными принципами равной свободы в рамках закона. Начавшийся в 1870-х гг. упадок либеральной доктрины тесно связан с перетолкованием свободы как наличия доступа к средствам, нужным для достижения множества особенных целей, причем обычно считалось, что эти средства должны быть предоставлены государством.

8. Либеральная концепция закона

Смысл либеральной концепции «свободы в рамках закона» или защиты от произвольного насилия определяется толкованием понятий «право» и «произвол». Различие толкований отчасти определяется тем, что внутри либеральной традиции наличествует конфликт между теми, для кого, как для Джона Локка, свобода возможна только в рамках закона (*«ибо кто может быть свободен, если он зависит от прихоти другого?»*), и теми, кто следует традиции Иеремии Бентاما

и континентальных либералов — *«всякий закон есть зло, ибо всякий закон есть поруха свободы»*.

Конечно, верно, что закон может быть орудием разрушения свободы. Не каждый продукт законодательства служит защите свободы, то есть является законом в том смысле, о каком говорили Джон Локк, Давид Юм, Адам Смит, Иммануил Кант или старые виги. Называя закон незаменимым стражем свободы, они имели в виду те нормы справедливого поведения, которые образуют частное и уголовное право, но вовсе не всякое решение законодателей. Чтобы правительственные декреты могли считаться законами в том смысле, как их понимали британские либералы, они должны обладать теми же свойствами, что и нормы английского общего права: быть общими правилами поведения, однообразно применимыми в неизвестном множестве будущих ситуаций, и тем самым ограждать защищенную сферу индивидуального существования, а значит, должны представлять собой не повеления (команды), а запреты. В силу этого они также неотделимы от института частной собственности. Считалось, что именно в границах, создаваемых нормами справедливого поведения, индивид свободен любым подходящим ему способом использовать знания и навыки для достижения собственных целей.

Предполагалось, что государственное насилие должно быть сведено к контролю за соблюдением норм справедливого поведения. Большинство, за исключением крайних либералов, не отклоняло возможность того, что правительство будет оказывать и иные услуги. Имелось в виду, что для исполнения любых поставленных перед ним задач правительство может использовать только наличествующие у него ресурсы, но не должно принуждать к чему-либо частных граждан; иными словами, государство не должно использовать личность и собственность граждан как средство достижения собственных целей. Именно в этом смысле закон, утвержденный надлежащим образом устроенным законодательным собранием, может оказаться таким же актом произвола, как и решение деспотического правительства. Любое предписание или запрет, направленные на отдельного человека или группу и не вытекающие из универсально применимых

правил, должны рассматриваться как произвольные. В соответствии со старой либеральной традицией акт принуждения обращается в произвол, если служит частным целям правительства и если он осуществляется на основании специально принятого решения, а не вытекает из универсальных правил, необходимых для поддержания того самопорождающегося всеохватывающего порядка действий, которому служат все прочие нормы справедливого поведения.

9. Закон и стихийный порядок действий

Либеральная теория видит важность норм либерального поведения в том, что они являются существенными условиями поддержания самопорождающегося или стихийного порядка действий различных людей и групп, преследующих собственные цели в соответствии с личным разумением. По крайней мере Давид Юм и Адам Смит, великие основатели либеральной теории в XVIII веке, не предполагали существования естественной гармонии интересов, но исходили из того, что расходящиеся интересы разных людей можно примирить при соблюдении соответствующих правил поведения. Как выразился их современник Джошуа Такер: «Себялюбию, этому универсальному двигателю человеческой природы, может быть придано такое направление... что, преследуя собственные цели, оно будет способствовать реализации общественных интересов». Эти авторы XVIII века были философами права не в меньшей степени, чем экономистами, и их концепция права и теория рыночного механизма взаимосвязаны. Они понимали, что только признание некоторых принципов права, прежде всего институтов частной собственности и обязательности договоров, может обеспечить такое взаимное согласование планов разных людей, при котором у каждого появятся хорошие шансы на реализацию собственных планов. Как позднее с большей ясностью показала экономическая теория, именно такое взаимное приспособление индивидуальных планов позволяет людям быть взаимополезными и одновременно достигать собственных целей в соответствии со своим разумением и способностями.

Таким образом, функцией правил поведения было не организовать индивидуальные усилия для решения конкретных согласованных задач, но обеспечить всеохватывающий порядок действий, в рамках которого каждый, стремясь к собственным целям, сможет получать наибольшую выгоду от усилий других. Правила, благоприятствующие формированию такого спонтанного порядка, рассматривались как результат длительного экспериментирования. И хотя полагали, что эти правила могут быть улучшены, считалось, что само улучшение должно протекать медленно, шаг за шагом, чтобы новый опыт мог показать свою желательность.

Большим преимуществом такого самопорождающегося порядка считалось не только то, что каждый получал свободу преследовать собственные цели — эгоистические или альтруистические. Преимущество видели и в том, что такой порядок делает возможным использование рассеянных в обществе знаний об обстоятельствах места и времени, которые существуют только как знания отдельных людей и никаким способом не могут стать достоянием какого-либо органа управления. Именно благодаря такой утилизации большего числа конкретных знаний, чем было бы возможным при любой централизованной системе управления экономической деятельностью, совокупный общественный продукт оказывается настолько велик, насколько он может быть при имеющихся знаниях.

Предоставив формирование такого порядка спонтанным силам рынка, действующим в рамках соответствующих правовых установлений, мы получаем более охватывающий порядок и более полную адаптацию к конкретным обстоятельствам, но при этом конкретное содержание этого порядка не может быть объектом направленного контроля и определяется преимущественно случаем. Наличие правовых ограничений и деятельность всевозможных специальных институтов, служащих формированию рыночного порядка, могут влиять только на его общие или абстрактные характеристики, но не предопределяют результаты для отдельных лиц или групп. Хотя оправдание такого порядка в том, что он увеличивает шансы для всех и делает положение каждого серьезно

зависящим от его личных усилий, все-таки результат в немалой степени зависит от непредвиденных обстоятельств, которыми никто не в состоянии управлять. Со времен Адама Смита процесс, определяющий долю индивида в рыночной экономике, нередко уподоблялся игре, в которой результаты каждого зависят не только от его умения и усердия, но и от везения. Участие в этой игре имеет смысл, поскольку она в большей степени, чем какой-либо иной метод, увеличивает сумму, подлежащую распределению. Но одновременно доля каждого оказывается подверженной всем видам случайности, и, безусловно, нет гарантий, что доля индивида всегда соответствует его субъективным заслугам или тому, как другие оценивают его усилия.

Прежде чем продолжить рассмотрение проблем, возникающих в либеральной концепции справедливости, нужно обсудить некоторые конституционные принципы, которые воплотили либеральную концепцию права.

10. Естественные права, разделение властей и суверенитет

Основной принцип либерализма, требующий ограничить государственное насилие только контролем за соблюдением общих норм справедливого поведения, редко формулировался в такой явной форме. Как правило, он находил выражение через две концепции, характерные для либерального конституционализма: о неотъемлемых или естественных правах человека (другие названия — основные права или права человека) и о разделении властей. Как было сформулировано в 1789 г. во французской Декларации прав человека и гражданина, т.е. в наиболее продуманной и влиятельной декларации либерализма той эпохи: «Является неконституционным всякое общество, в котором права человека не имеют надежных гарантий, а разделение властей отсутствует».

Идея особенных гарантий некоторых основных прав и свобод: «свободы, собственности, безопасности и права сопротивляться насилию», а также свободы мнений, речи, собраний, печати, — впервые проявившаяся в ходе американ-

ской революции, на деле есть только применение общего принципа либерализма к некоторым правам, считавшимся особенно важными. Воплотившись в перечне прав, идея оказалась не столь далеко идущей, как исходный принцип.

То, что мы имеем дело именно с применением общего принципа, видно из того, что ни одно из этих основных прав не истолковывается как абсолютное, но все они действуют только в рамках общих законов. Но поскольку, согласно самой общей формуле принципа либерализма, всякое принуждение со стороны государства должно иметь целью только соблюдение таких общих норм, все основные права, внесенные в любые каталоги или любые билли о правах, и многие другие, никогда не попадавшие ни в какие документы, могли бы быть гарантированы одной-единственной статьей, фиксирующей этот общий принцип.

То, что верно для экономической свободы, истинно и для всех других свобод: они гарантированы, когда деятельность индивида ограничена не особенными запретами (или необходимостью особых разрешений), но только общими, ко всем в равной мере приложимыми правилами.

В своем первоначальном смысле принцип разделения властей есть приложение того же общего принципа (правда, только до тех пор, пока в триумvirате основных ветвей власти — законодательной, судебной и административной — термин «закон» понимается в узком смысле, как это заведено и было у первых сторонников этого принципа, т.е. в смысле общих норм справедливого поведения). Пока законодательное собрание может принимать законы только в узком смысле, суды смогут требовать подчинения (а правоохранительные органы смогут принуждать к подчинению) таким общим нормам поведения.

Но все это так только до тех пор, пока власть законодателей ограничена принятием законов в узком смысле (как оно и должно бы быть, по мнению Джона Локка); но все меняется, когда законодатели получают возможность принимать любые кажущиеся подходящими декреты, а любые действия администрации, узаконенные таким образом, начинают считаться законными. Там, где обладающее законодательными

полномочиями собрание представителей превращается, как это случилось во всех современных государствах, в высшую власть, которая управляет конкретными действиями исполнительной власти, а разделение властей начинает просто означать, что администрация не должна делать ничего, на что не уполномочена таким законом, там исчезает положение, когда свобода ограничена только законами в прямом смысле слова, в котором этот термин использовался теорией либерализма.

Содержавшееся в первоначальной концепции разделения властей ограничение власти законодателей предполагало, кроме того, отказ от идеи любой неограниченной или суверенной власти или по крайней мере от представления о праве государства делать что угодно. Ясно выраженный Джоном Локком и вновь и вновь появляющийся в позднейшей либеральной традиции отказ признавать законность такой суверенной власти есть один из основных моментов противостояния с утвердившимися концепциями правового позитивизма. Либералы не считают логически оправданным выводить всю законную власть из единого суверенного источника или любой организованной «воли» на том основании, что такое ограничение всякой организованной власти может быть обеспечено состоянием общественного мнения, которое отказывает в признании любой власти (или организованной воли), предпринимающей действия, которое это общественное мнение не считает законным. Либералы верят, что даже такая сила, как общественное мнение, при всей способности быть источником властных предписаний, все-таки может свести законную власть всех государственных органов к действиям, обладающим некоторыми общими свойствами.

11. Либерализм и справедливость

С либеральной концепцией права тесно связана либеральная концепция справедливости. В двух важных отношениях она отличается от той, что принята ныне: она основывается на вере в возможность открыть объективные, не зависящие от частных интересов нормы справедливого поведения; и ее интересует только справедливость поведения человека или

нормы, управляющие им, а не конкретное воздействие такого поведения на положение отдельных людей или групп. В противоположность социализму, либерализм ориентирован на коммутативную, а не на так называемую дистрибутивную (распределительную) или, как теперь чаще говорят, «социальную» справедливость.

Вера в существование норм справедливого поведения, которые нельзя изобрести, но можно обнаружить, покоится на том факте, что подавляющее большинство таких правил, бесспорно, действовало всегда и везде и что любое сомнение в справедливости какой-либо нормы следует разрешать в контексте всего набора правил, принимая только те, которые совместимы со всеми другими. Иными словами, каждое правило должно служить формированию того же абстрактного порядка действий, как и все остальные, и оно не должно противоречить требованиям всех остальных норм. Справедливость каждого правила следует проверять по тому, является ли оно универсально применимым — в этом случае оно доказывает свою совместимость со всеми другими.

Часто утверждают, что вера либерализма в справедливость, не зависящую от частных интересов, вытекает из окончательно отвергнутой современной мыслью концепции естественного права. Но о зависимости от веры в естественное право можно говорить только в очень особом смысле слова, и тогда уж будет неверно, что правовой позитивизм опроверг эту концепцию. Спора нет, нападки правового позитивизма немало сделали для дискредитации значительной части традиционных либеральных верований. Предметом конфликта между учениями является утверждение правового позитивизма, что всякий закон есть (или должен быть) продукт (преимущественно произвольной) воли законодателя. Но раз признаны общие принципы самоподдерживающегося порядка, основанного на частной собственности и договорном праве, тогда внутри системы общепризнанных правил в силу общесистемной логики возникнут определенные вопросы и потребуются конкретные ответы — и подходящие ответы придется скорее открывать, чем произвольно устанавливать. Именно этот факт отражается правовой

концепцией, что «данные обстоятельства» требуют применения этой конкретной нормы, а не всех других.

Идеал распределительной справедливости часто привлекал либеральных мыслителей и явился, видимо, одним из главных факторов перехода многих из них от либерализма к социализму. Последовательный либерал должен ее отвергнуть по двум причинам: не существует признанных общих принципов распределения, и их нельзя найти, а даже если бы удалось договориться о таких принципах, они не смогли бы действовать в обществе, производительность которого определяется тем, что свободные люди используют собственные знания и способности для достижения собственных целей. Гарантирование определенного дохода в качестве вознаграждения за определенные, измеренные любым способом достоинства или потребности требует совсем иного общественного порядка, чем тот спонтанный порядок, который возникает, когда люди ограничены только общими нормами справедливого поведения. Для этого требуется порядок (лучше сказать, организация), в котором человек принужден служить общей единой иерархии целей, и где ему приходится делать то, что требуется утвержденным планом действий. Если спонтанный порядок не служит какой-либо единой иерархии потребностей, но просто создает наилучшие условия для достижения множества индивидуальных целей, то организация предполагает, что все служат одной системе целей.

Чтобы гарантировать, что каждый получит то, что он заслуживает с точки зрения власти, нужна единая организация, охватывающая все общество. Но в таком обществе каждому придется выполнять предписания власти.

12. Либерализм и равенство

Либерализм требует, чтобы раз уж государство определяет условия, в которых действуют люди, формальные нормы и правила должны быть для всех одинаковыми. Либерализм против всяких правовых привилегий, против предоставления преимуществ отдельным лицам и группам. Но государство, не прибегающее к произвольному принуждению, может

контролировать только малую часть условий, определяющих перспективы для очень разных индивидов, разных по своим знаниям и способностям, живущих в разной (физической и социальной) среде, а равная ответственность перед законом с необходимостью порождает очень разные результаты деятельности; для достижения равенства возможностей или позиций нужно было бы, чтобы правительство ко всем относилось различно. Иными словами, либерализм просто требует того, чтобы процедуры или правила игры, определяющей относительное положение разных людей, были справедливыми (или по крайней мере не были бы несправедливыми), но он не требует справедливости результатов; ведь в обществе свободных людей эти результаты всегда будут зависеть от действий самих людей и от множества других обстоятельств, которые нельзя предвидеть и которыми никто в их целостности не в состоянии управлять.

В лучшую пору классического либерализма это требование формулировалось как *«открыть дорогу талантам»* или не столь точно и несколько темно как *«равенство возможностей»*. Но на деле это означало только требование убрать те препятствия к продвижению на высшие позиции, которые существовали благодаря правовой дискриминации. Отсюда не следовало, что можно уравнивать шансы отдельных людей. Перспективы оставались неодинаковыми не только в силу различия личных способностей, но главным образом из-за несходства окружения, и прежде всего семейного круга. Именно по этой причине в свободном обществе не может быть реализована идея, оказавшаяся столь привлекательной для большинства либералов, что справедливым можно считать только такой порядок, который обеспечивает равенство стартовых возможностей; для осуществления этого идеала пришлось бы манипулировать людьми и обстоятельствами, что совершенно несовместимо с идеалом свободы, при которой каждый может использовать собственные знания и способности для формирования своего окружения.

Хотя степень материального равенства, достижимого с помощью либеральных методов, резко ограничена, борьба за формальное равенство, т.е. борьба против всякой

дискриминации по признаку социального происхождения, национальности, расы, вероисповедания, пола и т.п., остается одной из важных характеристик либеральной традиции. Хотя либерализм не верил в возможность избежать больших различий в материальном положении, он надеялся на смягчение последствий благодаря усилению вертикальной мобильности. Главным инструментом этого считалась организация (а где нужно — за счет общественных средств) единой системы образования, так чтобы вся молодежь начинала с одной ступени, имея возможность подниматься в соответствии со способностями. Многие либералы стремились хотя бы уменьшить препятствия, прикрепляющие людей к унаследованному социальному положению, посредством предоставления определенных услуг тем, кто еще не может позаботиться о себе.

Сомнительней совместимость с либеральной концепцией равенства другой меры, также нашедшей поддержку в либеральных кругах, — использования прогрессивного налогообложения для перераспределения доходов в пользу бедных классов. Поскольку невозможно найти критерии, которые сделали бы совместимыми прогрессивный характер ставок налогообложения и принцип равенства перед законом или ограничивали бы степень дополнительного налогового давления на более богатых, можно считать, что принцип прогрессивного налогообложения в целом противоречит принципу равенства перед законом. В XIX веке либералы в целом так и понимали этот вопрос.

13. Либерализм и демократия

В силу приверженности принципу равенства перед законом и борьбы против всяких закрепленных законом привилегий либерализм оказался тесно связанным с движением за демократию. В XIX столетии в борьбе за конституционность правления либеральное и демократическое движения бывали зачастую неразличимы. Но поскольку эти доктрины в конечном итоге имели в виду разные цели, различия между ними становились со временем все заметнее.

Либерализм интересуется функционированием правительства, и прежде всего ограничением его власти. Демократию интересует вопрос, кто направляет правительство. Либерализму требует ограничения всякой власти, в том числе и власти большинства. Для демократии мнение большинства стало единственным критерием законности правления. Различие между принципами делается яснее, если рассмотреть их противоположности: авторитаризм (для демократии) и тоталитаризм (для либерализма). Каждая из двух систем совместима с противоположностью другой системы: демократическая власть может быть тоталитарна, и можно представить, что авторитарное правительство будет проводить либеральные принципы.

Таким образом, либерализм несовместим с неограниченной демократией, так же как и с другими формами неограниченного правления. Он предполагает, что даже власть представителей большинства должна быть ограничена либо конституционным законом, либо общей направленностью общественного мнения, которое должно эффективно ограничивать законодателей.

Хотя последовательное применение либеральных принципов ведет к демократии, демократия может сохранить либерализм только до тех пор, пока большинство воздерживается от предоставления своим сторонникам особых, недоступных для всех граждан преимуществ. Инструментом такого самоограничения могло бы стать собрание представителей, власть которого ограничена только принятием законов в смысле общих норм справедливого поведения, по поводу которых существует согласие большинства. Но для этого малоприспособлено собрание, привыкшее направлять и контролировать правительство. Но маловероятно, что большинство в представительном собрании, соединяющем подлинную законодательную и правительственную власть, которое в силу этого не ограничено в своей деятельности никакими законами, которых оно само не смогло бы изменить, будет руководствоваться общими принципами. Гораздо вероятней, что оно будет составлено из коалиций различных организованных интересов, которые займутся

предоставлением друг другу особых привилегий. Если, как это обычно в представительных органах с неограниченными полномочиями, решения принимаются в результате обмена особыми привилегиями между различными группами и если формирование дееспособного большинства зависит от такого обмена привилегиями, почти непредставимо, что власть будет использована исключительно в общих интересах.

Но если почти не вызывает сомнений, что неограниченная демократия со временем отбросит либеральные принципы в пользу дискриминационной политики, направленной в пользу групп, поддерживающих большинство, то сомнительно и то, что, отбросив либеральные принципы, демократия сумеет надолго сохранить себя. Если правительство решает слишком большие и сложные задачи, при которых нельзя руководствоваться решениями большинства, власть неизбежно попадет в руки бюрократического аппарата, все менее доступного демократическому контролю. Не так уж маловероятно, что отказ от либерализма приведет в конечном итоге к исчезновению демократии. В частности, мало сомнений, что та разновидность регулируемой экономики, к которой, видимо, тяготеет демократия, может быть эффективной только в условиях авторитарного правления.

14. Служебные функции правительства

Требуемое либеральными принципами прямое ограничение власти правительства функцией контроля за соблюдением общих норм справедливого поведения относится только к праву на насилие. Но правительство может использовать предоставляемые ему средства и для оказания множества услуг, которые не предполагают никакого насилия, если не считать принуждения к уплате налогов; и, если не считать «крайних» либералов, желательность государственных инициатив никогда не подвергалась сомнению. Правда, в XIX века такого рода функции государства были традиционны и имели малое значение, а поэтому либеральная теория и не обсуждала соответствующие проблемы, а просто подчеркивала, что лучше, когда соответствующие услуги

оказывает не центральное правительство, а местные власти. При этом руководствовались тем соображением, что центральное правительство может стать слишком могущественным, а конкуренция между местными властями может оказаться эффективным средством контроля за тем, чтобы развитие этих услуг шло в желательном направлении.

Общий рост благосостояния и появление в результате этого новых притязаний привели к чрезмерному росту такого рода услуг и сделали необходимой выработку гораздо более ясного отношения к ним, чем имел классический либерализм. Нет сомнений, что существует множество разных услуг, называемых экономистами «общественными благами», которые отличаются высокой полезностью, но не могут быть предоставлены рынком, поскольку они приносят пользу всем и каждому и не позволяют переложить издержки только на тех, кто готов за них платить. Начиная с элементарных задач защиты от преступности или предотвращения массовых инфекций и других медицинских услуг и кончая множеством разнообразных проблем, особенно остро проявляющихся в больших городских агломерациях, требуемые услуги возможны только за счет налоговых средств. Это означает, что если эти услуги вообще нужны, то по крайней мере их финансирование, а может быть, и предоставление следует в целом передать в руки агентств, имеющих право собирать налоги. Из этого не следует, что правительству дано исключительное право на оказание этих услуг, и либералы должны стремиться к тому, чтобы, когда откроют способ предоставлять аналогичные услуги частным образом, соответствующие возможности оказались доступны. Им следует также придерживаться традиционной либеральной установки — лучше, когда услуги оказывает не центральное правительство, а местная власть и за счет местных налогов, поскольку при этом сохраняется хоть какая-то связь между налогоплательщиками и получателями услуг. Либералы не развили никаких других принципов управления политикой в этой широкой и все более важной сфере.

Особенно ярко неспособность применить общие принципы либерализма к новым проблемам проявилась в ходе

развития современного государства благосостояния. Хотя немалой части его целей можно было бы достичь в рамках либеральных принципов, для этого потребовался бы медленный процесс экспериментирования; желание немедленно достичь результатов привело к повсеместному отказу от либеральных принципов. В частности, хотя было возможно обеспечить предоставление услуг социального страхования посредством истинно конкурирующих институтов страхования, и более того, в рамках либеральной схемы можно было бы каждому обеспечить гарантированный минимум дохода, решение обратить все дело социального страхования в государственную монополию и использовать весь созданный для этого административный аппарат как механизм перераспределения доходов повело к последовательному росту госсектора и — как следствие — к неуклонному сокращению сектора, в котором господствуют принципы либерализма.

15. Позитивные задачи либерального законодательства

Мало того что традиционная доктрина либерализма спасовала перед новыми проблемами, не удалось выработать достаточно ясную программу развития правовых рамок, обеспечивающих сохранение эффективного рыночного порядка. Для успешного функционирования системы свободного предпринимательства недостаточно, чтобы законы отвечали обозначенным выше отрицательным критериям. Нужно также, чтобы их положительное содержание способствовало успешной работе рыночного механизма. Для этого, в частности, нужны нормы, которые споспешествовали бы сохранению конкуренции и всячески препятствовали возникновению монополий. В XIX в. еще либеральная теория не уделила достаточного внимания этим проблемам, и только недавно они были систематически рассмотрены рядом «неолиберальных» групп.

Возможно, однако, что вопрос о монополистических предприятиях никогда не стал бы серьезной проблемой, если бы правительственная политика в области налогов, корпоративного и патентного права не помогла развитию монопо-

лизма. Можно спорить, нужно ли и желательно ли какое-либо антимонопольное регулирование, кроме мер в поддержку конкуренции. Если нужно, то основой такого регулирования могли бы стать давно не используемые древние статьи общего права, запрещающие тайные соглашения по ограничению производства. Только с принятием закона Шермана в США в 1890 г., а в Европе после Второй мировой войны были сделаны попытки выработать антитрестовские и антикартельные законы, которые предоставляли усмотрительные полномочия административным органам, что противоречит идеалам классического либерализма.

Но настоящее препятствие функционированию рыночного порядка возникло из-за неспособности следовать принципам либерализма в вопросе о монополизме организованного труда или профсоюзов. Классический либерализм поддерживал требования рабочих о «свободе союзов» и, может быть, по этой причине позднее не сумел воспрепятствовать превращению рабочих союзов в организации, имеющие законные права применять насилие так, как не позволено никаким другим организациям. Именно в силу этого рыночный механизм установления величины ставок заработной платы стал почти неэффективным, а возможность сохранения рыночной экономики в условиях, когда система конкурентного выявления цен не распространяется на ставки заработной платы, сделалась более чем сомнительной. Возможность сохранения в будущем рыночного порядка или замены его централизованно планируемой системой вполне может оказаться в зависимости от того, удастся ли тем или иным способом восстановить конкурентный рынок труда.

Результаты этих процессов уже обнаруживаются в подходе правительства во второй важнейшей области, где, как принято считать, функционирование рыночного порядка требует участия государства: к поддержанию денежной стабильности. Классический либерализм предполагал, что золотой стандарт представляет собой автоматический механизм регулирования денег и кредита, гарантирующий сохранение рыночного порядка. Но в результате исторического развития возникла сильно зависящая от государственного регулирования структура

кредитных учреждений. При этом если сначала контроль над кредитными организациями осуществлялся центральными банками, то недавно он перешел в руки правительств — преимущественно из-за того, что главным инструментом управления денежным обращением стала бюджетная политика. В результате на правительства легла ответственность за формирование одного из основных факторов работоспособности рыночного механизма. Чтобы обеспечить приемлемый уровень занятости в условиях взвинченной благодаря давлению профсоюзов заработной платы, правительствам всех западных стран пришлось обратиться к инфляционной политике, когда предложение денег растет быстрее, чем предложение товаров. Затем возникла нужда в ускорении инфляции, для противодействия которой пришлось пойти на прямое регулирование цен, что грозит полным разрушением рыночного механизма. Видимо, как уже отмечено в историческом разделе, именно таким образом и будет идти последовательное разрушение либеральной системы.

16. Свобода интеллектуальная и материальная

Многие из тех, кто называет себя либералами, вряд ли согласятся, что изложенные здесь политические доктрины представляют собой важнейшую часть их убеждений. Уже отмечалось, что зачастую термин «либеральный», особенно в последнее время, используется для обозначения общих интеллектуальных установок, а не как название суммы определенных представлений о должной организации государства. Поэтому в заключение уместно рассмотреть соотношение между общими основами либерального мышления, с одной стороны, и правовыми и экономическими доктринами, с другой, чтобы показать, что последние есть необходимый результат развития идей, которые привели к объединяющим все ветви либерализма требованиям интеллектуальной свободы.

Главное убеждение, ставшее источником всех постулатов либерализма, в том, что можно рассчитывать на более удачное решение общественных проблем, если полагаться не на

использование уже готового знания, но поощрять процесс обмена мнениями, который может привести к появлению лучшего знания. Предполагалось, что к истине ведет взаимная критика и дискуссия между людьми, имеющими разные мнения и несходный жизненный опыт. Свобода мнений необходима именно потому, что человек склонен ошибаться, а более точное знание может быть получено только в результате постоянной проверки всех убеждений, что и возможно в ходе свободной дискуссии. Иными словами, надежды на приближение к истине возлагали не столько на силу индивидуального разума (которому настоящие либералы не доверяли), сколько на результаты межличностного процесса критики и дискуссии. Даже рост индивидуального разума возможен только в той степени, в какой человек есть часть этого процесса.

Одной из предпосылок либеральной идеи была вера в желательность возрастания возможностей человека достигать своих целей благодаря росту или прогрессу знаний. Иногда, не вполне справедливо, утверждают, что при этом упор делался исключительно на материальный прогресс. Хотя и верно, что решение большинства проблем ожидалось от прогресса научных и технологических знаний, но одновременно существовало несколько не критическое, хотя и исторически обоснованное убеждение, что свобода принесет прогресс и в сфере морали. По крайней мере можно утверждать, что в периоды подъема цивилизации получали распространение нормы нравственности, которые только смутно или отчасти осознавались до этого. (Видимо, меньше оснований считать, что порожденное свободой быстрое интеллектуальное развитие привело также к росту эстетической восприимчивости; но либерализм никогда и не претендовал на влияние в этой сфере.)

Все аргументы в поддержку интеллектуальной свободы равно приложимы к свободе действия или к свободе делать вещи. Разнообразие опыта, создающее разнообразие мнений и служащее источником интеллектуального роста, является, в свою очередь, результатом различных действий, осуществляемых разными людьми в разнообразных обстоятельствах.

Как в интеллектуальной, так и в материальной сфере конкуренция является наиболее эффективной процедурой отбора, которая ведет к выявлению наилучших способов достижения целей.

Только при возможности испробовать множество различных способов делать вещи возникнет такое разнообразие индивидуального опыта, знаний и навыков, что непрерывный отбор наилучших поведет к постепенному совершенствованию. Поскольку действие есть главный источник индивидуального знания, т.е. является фундаментом социального процесса умножения знаний, доводы в пользу свободы действий так же сильны, как и доводы в пользу свободы мнений. А в современном обществе, основывающемся на системе разделения труда и на рынке, большая часть новых способов действовать возникает в сфере хозяйствования.

Но есть и еще одна причина, делающая свободу действий, особенно в сфере хозяйствования, которую так часто представляют малозначительной, столь же важной, как и свобода разума. Если разум ответственен за выбор целей человеческих действий, то их достижение зависит от доступности требуемых средств, и любой экономический контроль над средствами оказывается контролем над целями. Не может существовать свобода печати, если правительство контролирует типографии; невозможна свобода собраний, если правительство контролирует все помещения, и неосуществима свобода передвижения, если транспортные средства составляют государственную монополию, и т.п. Вот почему государственное управление хозяйством, к которому нередко побуждает тщетная надежда обеспечить изобилие средств для всевозможных задач, всегда по необходимости вело к резкому ограничению целей, позволяемых индивиду. Может быть, самый важный урок политической истории XX века заключается в том, что контроль над материальными факторами общественной жизни давал государствам, которые мы называем тоталитарными, обширную власть над интеллектуальной жизнью. Только многообразие независимых организаций, готовых поставлять нам средства, обеспечивает возможность самостоятельно выбирать подходящие нам цели.

Интернет-магазин **sotsium.ru**

Либерализм и его критики

Книги издательств

«Социум» • ИРИСЭН

«Мысль» • «Дело»

Издательство Института Гайдара

Издательство Высшей школы экономики

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Й. Г. Хюльсманн

**Последний рыцарь либерализма :
жизнь и идеи
Людвига фон Мизеса**

Социум, 2013. 893 с. Илл.

Д. Седмен-Джоунз

**Рождение неолиберальной
политики :
от Хайека и Фридмена
до Рейгана и Тэтчер**

Мысль, 2017. 520 с.

